

РОССИЯ В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ

УДК 930 (57)''15/19''

Д.А. АНАНЬЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

На рубеже XIX–XX вв. в зарубежной литературе все чаще отмечались успехи России в освоении северных широт. Наиболее активно данная тема обсуждалась на страницах периодических изданий, выходивших в США, Великобритании, Германии – крупнейших военно-морских держав того времени. В настоящей статье предпринята попытка обзора основных работ, опубликованных англо- и германоязычными исследователями, с целью выявления основных тенденций в изучении истории освоения Арктической зоны России в XIX – начале XX вв. Отмечая активные действия России на «арктическом направлении» (Ф. Шватка, Дж. Мелвилль, А. Грдличка), западные авторы дополняли тем самым общую картину имперской экспансии и могущества России. В первые десятилетия XX в. по мере роста активности европейских держав в Арктике все чаще обсуждался вопрос о статусе арктических территорий. Одним из способов подтверждения прав на эти территории являлась организация экспедиционных исследований, описанию которых посвящены работы Р. Бартлетта, В. Стефанссона, Н.А. Транзе, Х. Абея, У. Барра. История освоения Северного морского пути освещалась в известных монографиях К. Криптона (Г.К. Молодецкого), Т. Армстронга, У. Батлера. Арктическая политика Российской империи в дореволюционный период анализировалась в работах П. Хоренсмы, Дж. Маккэнона, Д. Дальманна, опубликованных в 1990-х – начале 2000-х гг. Особая тема в работах англо- и германоязычных исследователей связана с проблемами взаимоотношений русских с коренными народами Крайнего Севера (А. Каппелер, Ю. Слезкин, Д. Андерсон). При этом для современных исследователей темы, отмечающих преимущественно негативные последствия «патерналистской» политики в отношении аборигенного населения, характерно стремление отказаться от «русскоцентричного» подхода и рассматривать историю коренных народов Крайнего Севера с позиций самих этих народов.

Ключевые слова: Арктика, Российская империя, коренные народы Крайнего Севера, западная историография.

В истории освоения Арктической зоны России исследователи выделяют XIX – начало XX вв. как особый период, когда в условиях растущей международной политической и экономической конкуренции государство продемонстрировало решимость ускорить интеграцию арктических территорий в общеимперское пространство и защитить от возможных притязаний со стороны соседей. В указанный период появились первые государственные программы поддержки коренных народов Крайнего Севера, изучались возможности дальнейшего хозяйственного освоения и развития транспортной системы региона [1].

В настоящей статье предпринята попытка обзора основных работ, опубликованных тогда англо- и германоязычными исследователями, с целью выявления основных тенденций в изучении темы.

Во второй половине XIX – начале XX вв. о достижениях русских в Арктике писали известные американские полярные исследователи Ф. Шватка и Дж. Мелвилль, антрополог А. Грдличка [2–4]. Отмечая активные действия России на «арктическом направлении», западные авторы дополняли тем самым общую картину имперской экспансии и могущества России – страны, которая, по определению У.Ф. Мейсона Маккарти, «не имела реальных соперников в Азии» [5–7]. Анализируя перспективы развития России как мировой державы, известный экономист Ч. Конант полагал: «С учетом ее потенциала, при сохранении существующих темпов экономического развития, по завершении строительства Транссиба Россия через тридцать лет станет главной соперницей “англо-саксонской расы” в борьбе за экономическое и военное господство» [8].

О грядущей гегемонии России писал Б.Д. Ремедж, подчеркивавший роль транспортных систем и утверждавший, что с их развитием (прежде всего, с сооружением Транссиба), Россия получит «огромные преимущества на Востоке – главной арене для будущих сражений, как экономических, так и военных» [9].

В то же время повышенный интерес западных авторов вызывал вопрос о возможности практического использования Северного морского пути (в терминологии зарубежных авторов – «Северо-восточного прохода»). Анализируя результаты многочисленных арктических экспедиций, Дж. Мелвилль отвечал на этот вопрос утвердительно, рассматривая, впрочем, сугубо техническую сторону дела и не затрагивая военный или экономический аспекты. Сотрудник географической службы Германии И. Герман был настроен менее оптимистично. Признавая определенные успехи российских исследовательских экспедиций, он отмечал, что участок от Карского моря до Берингова пролива оставался почти не изученным, а в отсутствие регулярной навигации паровых судов и отсутствия развитой инфраструктуры практическое значение Северного морского пути было не велико [10].

В первые десятилетия XX в. по мере роста активности европейских держав в Арктике все чаще обсуждался вопрос о статусе территорий, которые ранее считались «ничьей землей» (например, Шпицберген или о. Медвежий), и даже тех участков Арктики, которые Россия неизменно считала своими владениями (в частности, предметом таким споров в 1910 г. стала Новая Земля) [11, р.12]. По мнению Дж.Б. Скотта, высказанному на страницах «Американского журнала международного права» в 1909 г., все это вело к более серьезным политическим противоречиям и столкновениям интересов различных государств в Арктической зоне [12]. Следует заметить, что во избежание таких конфликтов канадский сенатор П. Пуарье еще в 1907 г. предлагал разделить Арктику на сектора, прилегающие к северным границам Норвегии, Швеции, России, США и Канады.

Одним из способов подтверждения прав на арктические территории являлась организация экспедиционных исследований. Описанию арктических экспедиций конца XIX – начала XX в. были посвящены работы известных полярных исследователей Р. Бартлетта, В. Стефансона, Н.А. Транзе [13–16]. Во второй половине XX в. данная тема затрагивалась в серии публикаций Х. Абея и У. Барра [17–21]. История освоения Северного морского пути освещалась в известных монографиях К. Криптона (Г.К. Молодецкого), Т. Армстронга, У. Батлера [22–24].

Комплексному изучению проблем, связанных с освоением Арктики, должны были способствовать специализированные научные центры, созданные на Западе в XX в. В 1920 г. в Кембридже был основан Институт полярных исследований им. Р.Ф. Скотта – старейший университетский центр международных полярных исследований. В 1930-х гг. этот институт послужил базой для организации научных экспедиций

в полярных широтах, в годы Второй мировой войны он помогал правительству проводить исследования, связанные с созданием оружия, одежды и оборудования, необходимых для ведения войны в холодном климате. Сотрудники института (в их числе – известный историк-сибиревед Т. Армстронг) изучали широкий круг общественно-политических, социально-экономических, естественнонаучных проблем, связанных с жизнью в полярных широтах. В 1960-х гг. при институте начала действовать Шеклтонская мемориальная библиотека, фонды которой представляют большой интерес для специалистов, занимающихся арктической проблематикой.

В 1945 г. американские и канадские специалисты учредили Арктический институт Северной Америки, с отделениями в Нью-Йорке и Монреале. С 1947 г. в Арктическом институте началась работа по составлению «Арктической библиографии» (Arctic bibliography), предназначенной для Министерства обороны США и ставшей ценным справочником для исследователей. С 1947 по 1975 г. вышло 16 томов «Арктической библиографии», включающей сведения о публикациях как советских, так и зарубежных исследователей [25]. С 1948 г. Институт также публиковал журнал «Арктика», до 1951 г. выходивший трижды в год, а затем – ежеквартально. С 1975 г. Арктический институт является подразделением Университета Калгари.

По мнению С.И. Бояковой, с конца 1980-х гг. начался новый этап в изучении полярной проблематики, обусловленный демилитаризацией Арктики, открытием Северного морского пути для свободного плавания, расширением международного сотрудничества и интеграционных процессов [1]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились новые исследовательские структуры, ориентированные на изучение Арктики. В Германии с 1999 г. проведением исследований по арктической проблематике занимается Институт социальной антропологии в г. Галле (Халле), где действует Центр сибирских исследований («Сибирская группа»). Сотрудники Центра занимаются изучением проблем коренных малочисленных народов Крайнего Севера, в целом – социокультурных трансформаций в Западной Сибири, Якутии, Эвенкии, на Чукотке и Камчатке.

В Австрии в 1997 г. группа исследователей, изучающих культурную антропологию и интересующихся проблемами Крайнего Севера, основала ассоциацию «Арктика и Субарктика». Целью ее деятельности является проведение конференций и публикация исследований, посвященных Арктике, прежде всего по проблемам экономики, экологии, социального развития и проблем этничности.

В конце XX – начале XXI вв. проблемы российского Крайнего Севера оказались в сфере внимания сотрудников Центра арктических исследований Смитсоновского института (США). С 2001 г. Центр издает серию «Contributions to Circumpolar Anthropology», где, среди прочего публиковались исследования, посвященные Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897–1902 гг. [26, 27].

В 1990-х – начале 2000-х гг. вышли в свет работы П. Хоренсмы, Дж. Маккэнона, Д. Дальманна, в которых, в частности, анализировалась арктическая политика Российской империи в дореволюционный период [11, 28, 29]. Рассматривая историю попыток проложить судоходный морской путь в Заполярье во второй половине XIX в., Д. Дальманн отметил заслуги многих коммерсантов (Й. Лида, М.К. Сидорова, А.М. Сибирякова, Л. Кнопа) и мореплавателей (Дж. Уггинс, А. Норденшельда, Э. Дальманна). Историк пришел к выводу, что «русские эти инициативы воспринимали со смешанным чувством», видя в них, с одной стороны, шанс установить прямые торговые связи Сибири с Западной Европой, с другой – угрозу серьезной экономической конкуренции. С немалыми затратами был связан и военный контроль над арктическими территориями, поэтому «вопрос о Северном морском пути для петербургского правительства не являлся делом первоочередной важности».

На рубеже XIX – XX вв. ситуация начала меняться, что показал в своей монографии «Советская Арктика» Пиер Хоренсма – сотрудник Института Восточной Европы в Университете Амстердама. Обратившись к арктической проблематике по совету и при поддержке Р. Воона и Т. Армстронга, П. Хоренсма определил целью своего исследования выявление преемственности между арктической политикой Российской империи и СССР. По его мнению, основные принципы этой политики были выработаны уже в 1897–1917 гг.

Характеризуя международную обстановку, сложившуюся в Арктике на рубеже веков, исследователь напомнил, что такие страны, как Норвегия, Швеция, Великобритания, США и Германия, все чаще направляли экспедиции на север, изучая возможности для рыболовства в Баренцевом море, угледобычи на Шпицбергене и возобновления китобойного промысла. В таких условиях Россия была вынуждена проводить в регионе более агрессивную политику. В силу растущих масштабов полярных исследований правительство встало перед дилеммой – либо предпринять активные действия, либо уступить эти земли другим странам. Таким образом, руководствуясь стратегическими соображениями, Россия оказалась заинтересована в использовании экономического потенциала Крайнего Севера. [11, р. 6–7].

Особое внимание в работах англо- и германоязычных исследователей уделялось проблемам взаимоотношений русских с коренными народами Крайнего Севера. Несмотря на собранный европейскими исследователями XVII–XIX вв. богатый этнографический материал, история взаимоотношений коренного и пришлого населения Арктики не получила в их работах обстоятельного освещения, что во многом было обусловлено политикой царского правительства, препятствовавшего распространению сведений о фактическом положении дел в Сибири и Русской Америке.

Американский историк Ф.А. Голдер первым из западных историков подверг комплексному анализу

проблему русско-аборигенных отношений в контексте изучения правительственной политики в Сибири. Особое внимание он уделил истории покорения Чукотки и Камчатки. Сущность процесса колонизации северовосточных территорий, в его представлении, проявилась в бесчинствах промышленников и приказчиков, ограблении местного населения, истреблении пушного зверя, что, в свою очередь, вызывало упорное сопротивление аборигенов.

Несмотря на то, что Ф.А. Голдер писал о более раннем периоде истории «русской восточной экспансии», его концепцию усвоили многие западные исследователи-сибиреведы [30]. Так, в русле концепции Ф.А. Голдера следовал известный британский журналист и советолог В. Коларц, указывавший на агрессивный, военный характер русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, на сходство методов русских и западноевропейских «колонизаторов» [31].

Т. Армстронг призывал различать достаточно взвешенную политику правительства и действия местных властей. Он отмечал, что русские редко вмешивались в дела инородцев, отношение к ним со стороны правительства было достаточно либеральным, хотя поведение некоторых чиновников отличалось бессмысленной жестокостью [23].

Швейцарский историк А. Каппелер также признал определенную гибкость национальной политики самодержавия в отношении «кочевников, охотников и собирателей» Севера, но полагал, что азиатские области России без каких-либо оговорок могут быть характеризованы как колонии [32].

Данный вывод поддержал американский историк Ю. Слезкин – автор монографии «Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера». Предметом его исследования стала история взаимоотношений пришлого и коренного населения Крайнего Севера, а также изучение взаимосвязи между правительственной политикой в регионе и общественными настроениями в ту или иную эпоху. Историк пришел к выводу, что несмотря на реформу М.М. Сперанского, который, по словам Ю. Слезкина, создал в Сибири систему управления, более эффективную, чем в губерниях Европейской России, в течение всего XIX в. территорию Крайнего Севера в наименьшей степени затронули правительственные проекты, направленные на «модернизацию, колонизацию и экспансию» в Северной Азии [33].

В отличие от Ю. Слезкина, изучавшего представления русских «о человеческой и национальной (в том числе собственной) идентичности», современные западные антропологи и этнографы интересуются в первую очередь жизнью и мировосприятием самих аборигенов. При этом, по словам П. Верта, они «полны решимости выработать практику этнографических исследований, свободную от отпечатков колониализма, стоявшего у истоков этой научной дисциплины» [33].

Изучению последствий такого «колониализма», а также выяснению роли этнографической науки в выработке государственной политики в отношении

аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока, посвящена монография канадского антрополога Д. Андерсона. Затрагивая проблему взаимосвязей между различными традициями этнографической мысли и интересами империй и национальных государств, Д. Андерсон пришел к выводу, что этнография часто использовалась в качестве «первичного инструмента социальной власти». Результатом применения данного инструмента становилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т. п. [34].

На примере изучения прошлого и настоящего народов, проживающих в низовьях Енисея (в их числе – ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.), исследователь попытался опровергнуть главное предположение русской «государственной» этнографии о том, что у каждого индивида должна быть определенная этническая принадлежность. Так, начиная с 1835 г. в правительственных и научных кругах развернулась дискуссия по вопросу – как следует классифицировать «долган». По мнению А.Ф. Миддендорфа и М.А. Кастрена, это было одно из якутских племен, хотя многие ученые относили долган, скорее, к тунгусам. В итоге их не удалось вписать в классификацию инородцев, установленную М.М. Сперанским.

По мнению Д. Андерсона, ранжирование народностей служило не только целям более качественного управления или удовлетворения научного интереса. Главными были цели русского заселения и колонизации. Описание технологий аборигенов, социальной организации и торговых связей показывало, какие территории были пригодны для земледелия или скотоводства или же богаты золотоносными жилами.

В начале XX в., не отказываясь от привычных попыток «ранжирования» инородцев, ученые обратились к государству с патерналистским призывом всячески оберегать своих подданных. Описывая стоическое преодоление коренным населением многочисленных трудностей на фоне безразличия со стороны коррумпированного чиновничества, исследователи давали понять, что эти «исчезающие народы» заслуживают изучения и защиты, поскольку не в состоянии самостоятельно о себе позаботиться.

Следует заметить, что предложенный Д. Андерсоном подход к оценке истории этнографических исследований коренных народов Севера вызвал острую дискуссию, начало которой положило выступление известного этнографа Е.А. Хелимского на конференции, посвященной проблемам Арктики и состоявшейся в Вене в июне 2000 г.

Таким образом, англо- и германоязычные исследователи, обращавшиеся к истории освоения российской Арктической зоны в дореволюционный период, анализировали преимущественно геостратегическое положение региона; принципы российской государственной политики в Арктике; проблемы хозяйственного освоения и развития транспортной системы. Для

зарубежных авторов было характерно представление о ведущей роли государства в освоении Арктической зоны в рассматриваемый период, о начале формирования принципов «патерналистской» политики в отношении аборигенного населения. При этом современным исследователям темы, отмечающим преимущественно негативные последствия такой политики, присуще стремление отказаться от «русскоцентричного» подхода и рассматривать историю коренных народов Крайнего Севера с позиций самих этих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии: XIX – 30-е годы XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Якутск, 2004.
2. Schwatka F. The Next Polar Expedition // *The North American Review*. 1889. Vol. 148, N. 387 (Feb.). P. 151–160.
3. Melville G.W. The Baltic Fleet and the Northeast Passage // *The North American Review*. 1904. Vol. 179, N. 573 (Aug.). P. 161–167.
4. Hrdlicka A. Recent Explorations in Siberia // *Science*. New Series. 1913. Vol. 37, N. 940 (Jan. 3). P. 13–14.
5. Mason M'Carty W.F. Russia's Plans and Purposes // *The North American Review*. 1904. Vol. 164, N. 486 (May). P. 585–591.
6. Hourwich I.A. The Economic Condition of Russia // *Journal of Political Economy*. 1904. Vol. 12, N. 4 (Sep.). P. 555–563.
7. Boulger D.C. Antagonism of England and Russia // *The North American Review*. 1900. Vol. 170, N. 523 (Jun.). P. 884–896.
8. Conant Ch. C. Russia as a World Power // *The North American Review*. 1899. Vol. 168, N. 507 (Feb.). P. 178–190.
9. Ramage B.J. The Hegemony of Russia // *The Sewanee Review*. 1899. Vol. 7, N. 3 (Jul.). P. 303–322.
10. The North East Passage // *Bulletin of the American Geographical Society*. 1906. Vol. 38, N. 1. P. 25–27.
11. Horensma P. *The Soviet Arctic*. L.; N.Y., 1991.
12. Scott J.B. Arctic Exploration and International Law // *The American Journal of International Law*. 1909. Vol. 3, N. 4 (Oct.). P. 928–941.
13. Bartlett R.A. *The Log of Bab Bartlett: the true Story of Forty Years of Seafaring and Exploration*. N.Y., L., 1928.
14. Bartlett, R.A., Hale R.T. *The Last Voyage of the Karluk*. Boston, 1916.
15. Stefansson V. *The Adventure of Wrangel Island*. N.Y., 1925.
16. Transehe N.A. The Siberian Sea Road: the Work of the Russian Hydrographical Expedition to the Arctic, 1910–1915 // *Geographical Review*. Vol. 15. P. 367–398.
17. Abel H., Jessen H. *Kein Weg durch das Packeis / Anfänge der deutschen Polarforschung (1868–1889)*. Bremen, 1954.
18. Abel H. «Commerzielle Pionierfahren» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884) // *Schriften der Wittheit zu Bremen*. Bd. XXII. Bremen, 1978.
19. Barr W. (1972): The voyages of Taymyr end Vaygach to Ostrov Vrangelya, 1910–1915 // *Polar Record* 16 (101). 1972. P. 213–234.
20. Barr W. Rusanov, Gerkules and the Northern Sea Route // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 26 (4). P. 569–611.
21. Barr W. A Tsarist Attempt at Opening the Northern Sea Route: The Arctic Ocean Hydrographie Expedition, 1910–1915 // *Polarforschung*, 1975. Vol. 1. P. 51–64.
22. Armstrong T. *The Northern Sea Route*. Cambridge, 1952.
23. Krypton C. *The Northern Sea Route and the Economy of the Soviet North*. London: Methuen, 1956.
24. Butler W.E. *Northeast Arctic Passage*. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1978.
25. *Arctic Bibliography*. Prepared for and in cooperation with the Department of Defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. I–XI. Washington, D.C.: Department of Defense, 1953–

1963; Vol. XII–XVII. Prepared by the Arctic Institute of North America with support of Government Agencies of the United States and Canada. McGill–Queen's University Press, 1965–1976.

26. Contributions to Circumpolar Anthropology. N. 1: Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. / Ed. by I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington D.C.: ASC, 2001.

27. Contributions to Circumpolar Anthropology. N. 4: Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by L. Kendall, I. Krupnik. Washington D.C.: ASC 2003.

28. *McCannon J.* Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932–1939. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998.

29. *Дальманн Д.* Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века// Отечественная история. 2001. № 5. С. 21–32.

30. *Golder F.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914.

31. *Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. N.Y.: Frederick A. Praeger, 1954.

32. *Armstrong T.* Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965

33. *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000.

34. *Slezkine Y.* Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors. Ithaca. L., 1994.

35. *Anderson D.G.* Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000.

Статья поступила
в редакцию 01.09.2014

УДК 94(98)

В.А. ЛАМИН¹, Я.А. КУЗНЕЦОВА²

ДОРОГИ ЖИЗНИ В ЧЕЛЮСТЯХ ХОЛОДА

¹чл.-кор. РАН,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lamin@history.nsc.ru
²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: scriptor@history.nsc.ru

В статье анализируются две противостоящие позиции в оценке экономического потенциала Севера и перспектив его хозяйственной реализации, сформировавшиеся в среде политической элиты – столичной и сибирской предпринимательской общественности конца XIX – начала XX вв. Этот период характеризовался не только внутренними коренными изменениями в стране, разрушением устоев Российской империи и установлением советской власти, но и тяжелой внешнеполитической обстановкой – Русско-японской и Первой мировой войнами.

На основе изучения идей, инициатив, замыслов и начинаний в сфере освоения и развития арктических территорий России показана бездейственность, дистанцированность правительства от проблем Севера, которая объяснялась не только отсутствием средств и возможностей, экстремальными климатическими условиями, но и неадекватностью государственных деятелей и политиков. На протяжении большей части XIX в. российский Север находился под печатью хозяйственного забвения. Механизм сопротивления его освоению действовал на всей территории страны. Местная администрация, находившаяся на столичном попечении, поддерживала данную политику, всячески препятствуя попыткам и инициативам сибирских предпринимателей и общественных деятелей, готовых инвестировать свои миллионные состояния в проекты транспортного и экономического развития Севера. Важное значение в проектах придавалось развитию сети железнодорожных коммуникаций, предлагавшиеся к постройке линии которых направлялись к Мурманскому побережью – будущему океанскому порту, который открывал России выход на трансокеанские торговые коммуникации. Однако частных средств было недостаточно для столь масштабного освоения северных территорий.

В 1920-е гг. с установлением советской власти и концентрацией всех финансовых ресурсов страны появилась реальная возможность для осуществления проектов строительства железных дорог и морских портов не только на Мурманском побережье, но и на Дальнем Востоке и т.д.

Ключевые слова: проекты, дискуссия, освоение Севера, Россия, железнодорожное строительство, концессионная политика.

Будущность арктических пространств России очень долгое время находится под воздействием двух противоборствующих позиций в оценке экономического значения северных территорий страны.

Первая, по историческому возрасту и, главное, по глубине и фундаментальности, разработка принадлежит академику М.В. Ломоносову. В его научных трудах обстоятельно и всесторонне прописаны ответы на